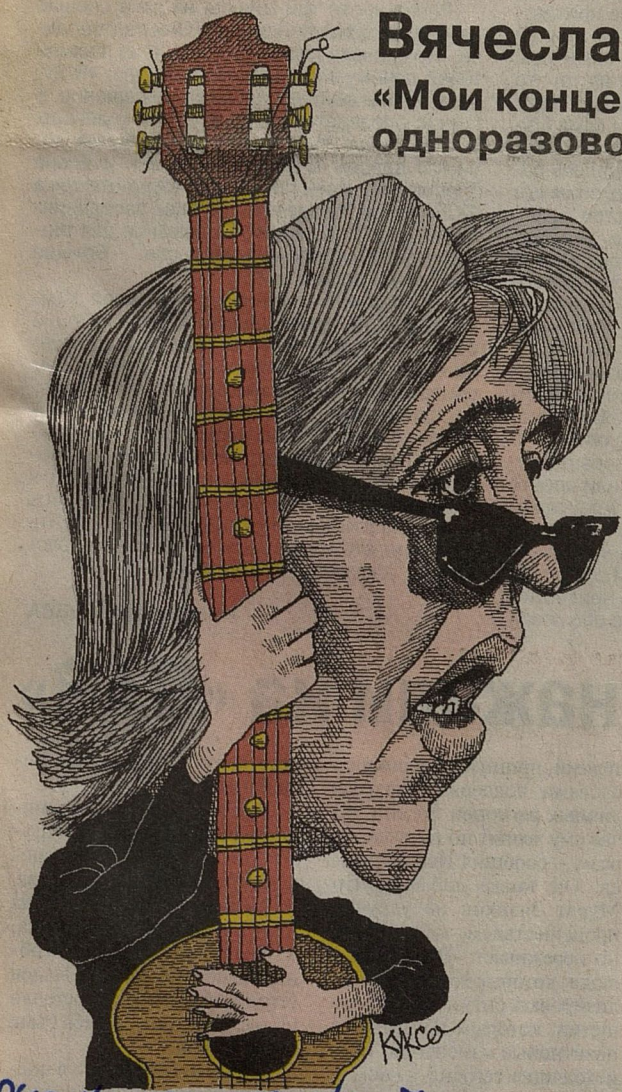

Вячеслав Малежик:

«Мои концерты — наркотик одноразового применения»

Певец и композитор Вячеслав Малежик на интервью согласился легко, а встречу назначил возле гостиницы «Комета», что на проспекте Вернадского. Подъехав чуть раньше, позвонила композитору: «Я уже на месте, Вячеслав». «Отлично, но у меня еще есть пять минут», — ответил знакомый сипловатый голос. Ровно через пять минут синий «Фольксваген Пассат» мигнул мне фарами. Немного отъехав от места встречи, Вячеслав свернул во дворик и предложил начать разговор.

Рус. Курьер-2004-7 апр-с.1,8.

Окончание на стр. 8

ДОСЛОВНО

Другая жизнь

Вячеслав Малежик:

«Мои концерты — наркотик одноразового применения»

Окончание.
Начало на стр. 1

— Кстати, что слушаете в машине? — спросила я, кивнув на магнитола.

— В основном новостные программы, а из музыки люблю Леонида Агутина, Трофима, по-прежнему нравится Юра Шевчук, «ЧИЖ».

— Все перечисленные исполнители — это либо шансон, либо русский рок. Что же, вам эстрада совсем не нравится?

— Да по-разному. У меня такое ощущение, что она в целом более высокого уровня, чем была в мое время. Одна беда — сегодня она очень усредненная, нет каких-то протуберанцев, от которых бы захватывало дух. Но и совсем слабых материалов я тоже не вижу. Есть халтурные, сделанные без творческого полета, ремесленно накрепко сбитые песенки. Во всяком случае, в последнее время меня напавал никто из молодых не убил.

— Слышала, что грядет появление нового молодого исполнителя — вашего сына.

— На самом деле на днях выходит две пластинки: одна моя — «Вячеслав Малежик. Домашняя работа», а вторая — альбом моего сына «Иван намба уан». Ваня, правда, наотрез отказался, чтобы там указывалась наша фамилия, но раз уж мы с вами разговариваем, приоткрою секрет. Такая у меня отцовская радость!

— Кстати, Вячеслав, объясните все-таки, откуда у вас такая необычная фамилия?

— Да я и сам не знаю. У моего отца украинские корни — его предки были из Полтавской области. Видимо, оттуда и пошло.

— Значит, от папы вам досталась фамилия. А ваш сын Иван получил от вас в наследство еще и музыкальный дар?

— Наверное, что-то он подслушал у меня. Но вообще изначально Ваня был сориентирован не на ту музыку, которую слушает сейчас молодежь, а на старый рок-н-ролл: Пол Анка, Элвис Пресли, Чак Берри. Я ничего специально для этого не делал.

Запел он совершенно неожиданно для меня. Неожиданно, потому что, когда он пел что-то по моей просьбе, мне это не нравилось, а когда сам написал пару песен, оказалось, что все не так безнадежно.

— Вы бы хотели, чтобы он посвятил себя сцене?

— Вообще-то у него есть данные для этого, но при этом он ленив, как сволочь. В нем все-таки больше артиста, чем музыканта.

— На «Фабрику звезд» не хотите отдать?

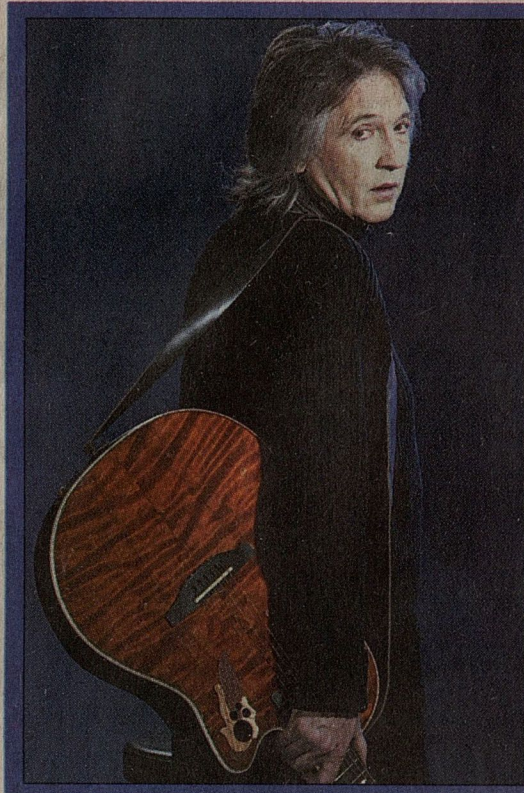
— Ну а зачем из него будут делать массовый продукт? Мы сами сделаем какой-нибудь индивидуальный раритетный товар ручной сборки.

— А сами все эти «фабрики» смотрите?

— Я смотрел «Народного артиста», поскольку там участвовала девушка, с которой моя судьба связала год назад, — Маша Зайцева. Я сделал с ней несколько песен, немного ей помогал. Но потом она, видимо, решила, что я для нее старомоден, и поддалась в «Народный артист».

— Чем порадуется новый альбом «старомодного» Вячеслава Малежика?

— А что про песни можно говорить? Этот альбом меня уговорил сделать мой друг Виктор Шаповалов, сказав, что я

Вячеслав Малежик родился 17 февраля 1947 года в Москве. Окончил музыкальную школу по классу баяна; областное педагогическое училище и Московский институт железнодорожного транспорта. Однако железная дорога так и не дождалась работника Малежика. В 1967 году Вячеслав стал выступать в составе самодеятельного ансамбля «Ребята» — так началась его музыкальная карьера. В списке коллективов, с которыми работал Малежик, — «Веселые ребята», «Голубые гитары», «Пламя». Первый сольный альбом под названием «Саквояж» Вячеслав записал в декабре 1984 года. Заслуженный артист России.

настолько энергетически мощно пою под гитару, что не нужно других инструментов. Вот мы втроем с ним (он играл на бас-гитаре) и Светой Шумковой (барабаны) в полурасслабленной атмосфере записали альбом. Вообще эти песни год лежали на моем сайте, просто записать пластинку все никак не могли. У меня есть еще один «неизданный» сборник.

— Наверное, обидно писать в стол.

— Да нет, абсолютно не обидно. Я этому нашел философское объяснение: если стихотворение или песня несут положительный заряд, то они уже сами по себе делают благое дело, даже если не звучат каждый день. А вообще я достаточно доказал себе и другим в жизни, и сейчас особо светиться не хочется. Ведь все время возникает вопрос, с кем соревноваться и ради чего ломать копья.

— А как вы пишете песни?

— Да никаких особых условий для этого не нужно. И рецепта никакого не существует, просто пишу. Сначала появляются стихи, потом под них музыка.

— Вас сложно отнести к какому-то определенному жанру. Куда вы себя сами относите?

— На дуле итрец (улыбается)! Да нигде я себя не отношу, наверное, вот эти жанры и сбивание в стаи идут от слабости. Нужно спрятаться за чью-то спину, снять с себя ответственность, а когда еще есть гур, который с полукрытыми глазами о чем-то вещает, создается иллюзия, что он знает, как надо. Я пока стараюсь идти один. Пру по заснеженной целине, пока меня не занесло, наверное, те, кому хотелось бы взять мой след, уже не смогут этого сделать — снегом замело. Разве что на вертолетах можно догнать.

— Судя по песням, вы очень романтичный и светлый человек. Разве не бывает депрессий?

— Почему же, бывают.

— Как вы с ними справляетесь?

— Ну не знаю... Молитвами.

— Вы верующий человек?

— Не очень тактичный вопрос.

— В церковь ходите?

— Иногда.

— Многие ходят — модно стало.

— Я к этому отношусь с иронией. С иронией отношусь и к самим священнослужителям.

— Вы добились в жизни всего, чего хотели?

— Хотел выпускать пластинки, собирать стадионы, иметь сольные концерты, нравиться девушкам, хотел, чтобы мои песни из окон неслись, чтобы на улицах узнавали. Все это у меня есть. Хотя сейчас, может быть, из окон домов мои песни не так часто можно услышать. А узнавать — узнают. Концерты собираю, меня часто приглашают, и я не умираю с голоду, могу развешать на хорошем автомобиле.

— Материальное вознаграждение для творческого человека важно?

— Помимо того, что я творческий, я еще и семейный человек. Во всяком случае, формулу «художник должен быть голодным» часто применяют к себе те, кто не зарабатывает денег.

— Вы богатый человек?

— Духовно.

— А материально?

— Богатый человек тот, у которого возможности совпадают с запросами. У меня это так. Во всяком случае, когда я захожу в магазин и мне что-то нравится, я могу себе позволить это купить. А вот яхту мне совершенно не хочется. Один мой приятель хочет остров купить, всех там поселить и выпивать. У меня такой мечты нет.

— Не хочется или не умеете?

— Не умею и не хочется. Не хочется получать оплеухи. В принципе в силу того, что я человек артистичный, а стало быть, не лишенный обаяния, наверное, мог бы обаять людей и продвигать свой материал. Но это скучно. И потом на этом пути слишком часто сталкиваешься с недооценкой, после этого вообще лезть не хочется. К примеру, к двухсотлетию со дня рождения Пушкина я написал, на мой

нет. На остров надо ехать из Москвы, а для этого надо встать с дивана.

— Кстати, спиртным увлекаетесь?

— Могу выпить в хорошей компании что-нибудь качественное, а могу совершенно спокойно не пить. Это не доставляет мне дискомфорта. Зачастую дискомфорт бывает, наоборот, из-за выпивки, если она некачественная, а выпить надо, потому что ситуация требует.

— Вам не хочется остров, потому что для этого надо встать с дивана. Вы ленивы?

— Да нет в общем-то. Если меня что-то увлекло, то я могу работать круглые сутки. Мне огромное удовольствие доставляет записываться. Но, к сожалению, после того, как все готово, надо заниматься этойкой «риэлторско-дилерской» работой — продать продукт. А этого совершенно не хочется.

— Не хочется или не умеете?

— Не умею и не хочется. Не хочется получать оплеухи. В принципе в силу того, что я человек артистичный, а стало быть, не лишенный обаяния, наверное, мог бы обаять людей и продвигать свой материал. Но это скучно. И потом на этом пути слишком часто сталкиваешься с недооценкой, после этого вообще лезть не хочется. К примеру, к двухсотлетию со дня рождения Пушкина я написал, на мой

взгляд, очень приличную песню на стихи Юрия Ремесника, которая называется «Свадебная карета», про Натали Гончарову. Я был уверен, что эту песню у меня будут просто вырывать из рук. Но когда я ее предложил на радио и телевидение, на меня посмотрели как на какого-то блаженного, который чего-то в жизни не понимает.

— Получается, что за каждый эфир приходится платить?

— Да нет, не за каждый. Просто я не являюсь ньюсмейкером, который высасывает из пальца какие-то факты о себе: сам сочиняет свою биографию, чтобы было потом что рассказать. Знаете, это как у школьников: есть два дневника — один для родителей, а другой для школы. Вот так же и у многих наших артистов — есть биография, которая может быть интересна читателю, а вторая настоящая. Я если что-то не хочу рассказывать, не рассказываю, но и не выдумываю что-то этакое.

— Почему не бываете на светских раутах?

— По-моему, это очень скучно: видеть пластмассовые лица, улыбки. Я значительно лучше чувствую себя на своем диване, общаясь с друзьями и семьей.

— Как складываются ваши отношения с властью? Накануне выборов ваши коллеги по цеху подлились в партию.

— Меня звали еще в коммунистическую партию: я ведь не молоденький уже. Звали и в новые. Уже даже не помню, куда именно. Я тактично отказался.

— Почему же?

— Зачем это мне? Политика — не очень чистое дело. И вообще человек, занимающийся творчеством, должен быть свободным.

— На выборы ходили?

— Ходил. Но за кого голосовал — не скажу. Результаты были прогнозируемы, тут нечего особо обсуждать.

— Многие представители творческой интеллигенции в ужасе от сегодняшней политической ситуации.

— Да? Ну и пусть.

— Вы не боитесь отката в прошлое?

— Вы наверняка ни разу нигде не читали, что я из себя диссидент строил. У меня не было такого, чтобы меня мучили в застенках или сажали на транквилизаторы.

И потом, оппоненты власти выглядели очень бледно на парламентских выборах. Настолько у них тоже рыльце в пушку, что за них тоже не очень хотелось голосовать.

— Вам уютно в сегодняшнем дне, когда на сцену может выйти каждый, у кого есть деньги, в то время как более талантливые остаются за бортом?

— Ну а что я могу сделать? Когда-то давным-давно я предлагал своим коллегам создать профсоюз артистов, который мог бы бороться за свои

права с администраторами, с телевидением. Ведь телевидение эксплуатирует мой труд, а я им почему-то еще денег должен. Но меня подняли на смех. А когда совершилось то, что совершилось... Сейчас уже говорить об этом просто глупо.

— Ну вот Лариса Долина, став советником президента, советует главе государства ввести цензуру.

— Я считаю, что у каждого художника должен быть внутренний цензор. Но по некоторым пунктам я бы ввел цензуру: к примеру, запретил бы пропаганду наркотиков и воспевание однополости любви. Я бы это прикрывал во имя детей.

— Вам удалось сохранить индвидуальный стиль, практически не меняя. Не было желания как-то понастроиться под время?

— Вот сейчас предложили записать новый альбом в формате, который сегодня популярен, — этакую полутанцевальную музыку. Я понимаю, что таким образом смогу достучаться до молодежи, которая привыкла жить в танцевальном ритме, поэтому мой язык для нее был зачастую непонятен и занудлив. Но вот про «таблеточку-малолеточку» я себе, наверное, не позволю петь. И про ту же однополую любовь тоже.

— Кто же ваш основной слушатель?

— Женщины постбальзаковского возраста. И мужа, которых удалось подбить пойти на концерт. Правда, для людей, которые попадают ко мне на концерт, это оказывается наркотиком одноразового применения. После этого очень многие подсаживаются. Это та энергия, которая идет от меня к моему слушателю, цепляет.

— Юрий Лоза, когда давал мне интервью, пожаловался, что приходится петь для бандитов, чтобы заработать.

— Ну, Лоза вообще любит жаловаться. Я тоже выступаю перед разной публикой, но не жалею. Я считаю, что если меня выбрали, значит, это нужно. И не мне судить: есть правоохранительные органы и Господь Бог. Поди сейчас разберись, кто бандит, а кто честь и разум эпохи.

— Для кого еще приходится петь?

— Для политиков. Они очень хорошо воспринимают. Они такие же люди, которые иногда снимают с себя маску спикера или лидера партии. Их самая большая проблема, что они, достигая определенного уровня, перестают принадлежать себе.

— А вы принадлежите себе, или все-таки популярность ставит в определенные рамки?

— Я принадлежу себе в значительно большей степени, нежели Пугачева.

— На улицах узнают?

— По-разному. Чаще узнают. Иногда, если один человек осмелился подойти взять автограф, то тут же подходят еще несколько. Но иногда у людей хватает чувства такта.

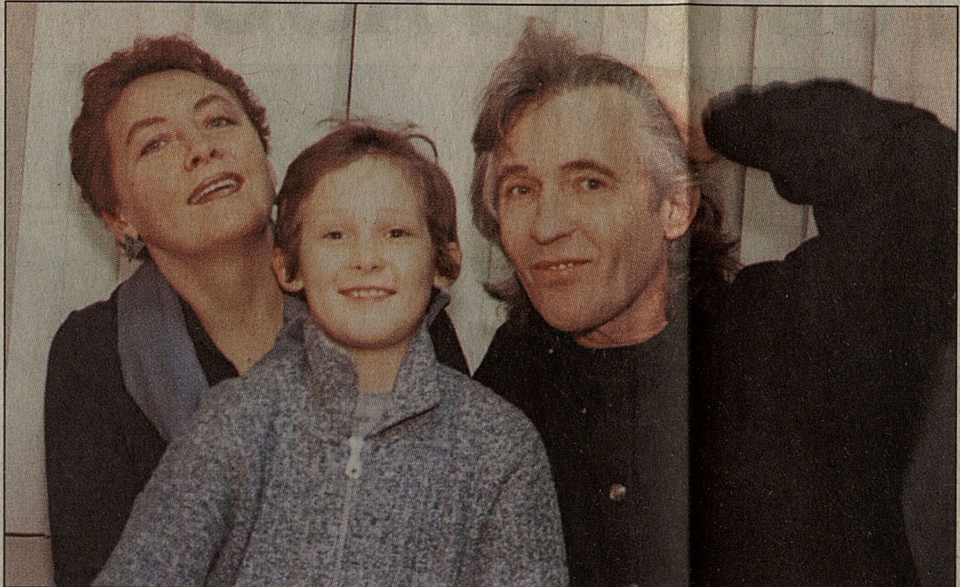
— То есть узнаваемость раздражает?

— Ну, наверное, раздражать должно, когда тебя не узнают. Ведь это значит, что ты вылетел из профессии. Это кокетство моих коллег, когда они говорят, что им надоела популярность.

— Слышала, что недавно вам дали звание заслуженного артиста РФ. Порадовали?

— Да я к этому отношусь с иронией. Приятнее это моей жене. Наверное, я давно его должен был получить. Мне предлагали еще в 1986 году, но было лень бумажки собирать. И потом — пусть это звучит нагло — половина людей, на афишах которых я вижу звание заслуженного артиста России, по многим критериям уступают мне.

Алина РЕБЕЛЬ

Дружная семья Малежик в сборе